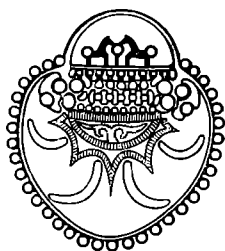

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1967

М. К. ПАЧОС

К ИЗУЧЕНИЮ СТЕН ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

Ф. Энгельс, исследуя период перехода от первобытно-общинного к рабовладельческому строю в древней Греции, отмечал, что с возникновением античного государства возникают и города, характерной чертой которых является наличие городской стены или крепости¹. Аналогичное явление мы видим и в странах древнего Востока².

Городские стены составляют неотъемлемую часть древнего города в полном смысле этого слова. Изучая древний город — его историю и историческую топографию, — нельзя игнорировать исследование такого важного его элемента, как стены. Большой интерес в этом отношении представляет Афрасиаб, на территории которого выделяются четыре ряда крепостных стен (рис. 1).

Афрасиаб как развалины одного из крупнейших городов Средней Азии — Самарканда, политического и административного центра Согда, издавна привлекал внимание многих исследователей. В течение последних 80 лет здесь производили раскопки Н. И. Веселовский, В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин и А. И. Тереножкин. Однако городские стены еще не были предметом специального археологического изучения. Поэтому, когда Институт истории и археологии АН УзССР в 1958 г. начал систематические раскопки на городище Афрасиаб, одним из объектов изучения на протяжении 1959—1965 гг. стали и стены древнего города. Полученный материал дает достаточно оснований для некоторых выводов по истории Самарканда и военномышленного искусства Средней Азии эпохи феодализма.

Самой древней стеной городища является первая внутренняя, которая охватывает северную часть городища на протяжении около 1,5 км. Она окружает эту часть городища с юго-запада и северо-запада. На северной и восточной границах городища каких-либо остатков крепостных стен не прослеживается. Можно предполагать, что стены здесь не существовало, поскольку в этом месте границей городища Афрасиаб служит глубокий каньон р. Сиаб.

Первая стена вытянута в широтном направлении и включает в себя южную стену цитадели городища. На запад от цитадели первая стена сильно разрушена. В восточной части стены прослеживаются выступающие вперед башни на расстоянии 25—30 м одна от другой. Въезд в эту часть города осуществлялся через узкие ворота неподалеку от р. Сиаб. Ворота охранялись двумя круглыми башнями, одна находится над Сиабом, несколько выступая вперед, вторая вынесена вообще за пределы стены. Этот прием, как известно, является особенностью раннесредневековой и средневековой фортификации³. Вторые ворота, вероятно, располагались западнее цитадели.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1963, стр. 113.

² А. А. Строков. История военного искусства, рабовладельческого и феодального общества. М., 1955, стр. 39.

³ В. Л. Воронина. Раннесредневековый город Средней Азии, СА. 1959, 1, стр. 95.

Один раскоп на этой стене был заложен в 30 м к востоку от юго-восточной угловой башни цитадели (рис. 1, P-15). Раскопки показали, что вся стена от основания до гребня возведена из однородной пахсы. Ниже стены нет никаких культурных остатков. Высота стены 15,5 м, ширина ее в средней части тоже около 15 м. В пахсе были найдены фрагменты неполивной керамики (рис. 2): венчики, носик сосуда, слегка сплюснутый и ножка вазы. Подобного типа сливные носики известны по находкам в сло-

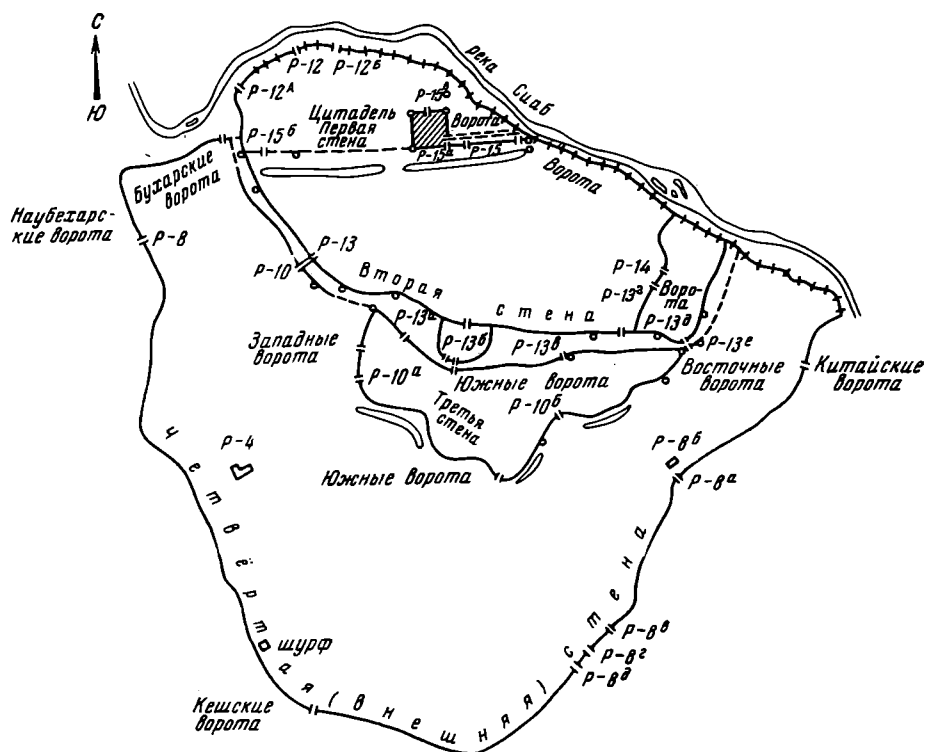

Рис. 1. Схематический план Афрасиаба

ях V—VI вв. на усадьбе близ Кафыр-Калы⁴, в слоях конца V — начала VII в. Пенджикента⁵, в долине р. Кашка-Дарьи при раскопках здания V в.⁶. Фрагменты ножек ваз неизменно присутствуют в комплексе керамики Афрасиаба IV—VI вв.

Другой раскоп в виде траншеи заложен на угловой юго-восточной башне цитадели (рис. 1, P-15^a, 3). Траншея идет поперек стены, однако лишь с внутренней стороны стена была разрезана на всю высоту до основания и ниже его, до чистого лесса. С внутренней стороны стена стоит на культурном слое, который с трудом отличим от материка, так как в нем нет никаких находок, кроме редких углистых пятен. Толщина этого слоя достигает 1,5 м. В обресте стены видны шесть бадрабов (помойных ям), из них два расположены с внешней и четыре с внутренней стороны. В бадрабах обнаружена поливная и неполиванная керамика и поливные кирпичи разных размеров. Разрез с внешней стороны полностью вскрыл позднюю ремонтную кладку — чрезвычайно плотно утрамбованный слой пахсы толщиной 10—15 см.

⁴ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. ИМКУ, г. Ташкент, 1961, стр. 208.

⁵ А. М. Беленицкий, Б. Я. Ставиский. Новое о древнем Пенджикенте. Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959, стр. 42—43.

⁶ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории южного Согда в III—VI веках. СА, 1963, 1, стр. 221—223; его же. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашка-Дарьи. СА, 1958, 3, стр. 149.

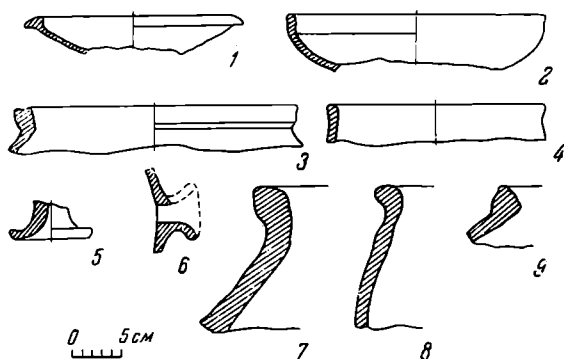

Рис. 2. Неглазурованная керамика из раскопок первой стены Афрасиаба

кой прямо на гребне стены обнаружен еще один бадраб с фрагментами поливной и неполивной керамики.

Как и в первом раскопе, здесь в ядре стены весьма мало неполивной керамики. Наиболее выразительны фрагменты донцев чашевидных кубков (рис. 4, 13, 15) и венчики кувшинов (рис. 4, 3). Чашевидные кубки с незначительными вариантами, кувшины с утолщенным венчиком и сосуды со сливом всегда встречаются вместе в поселениях долин Зеравшана и

В пахсе ремонтной кладки обнаружено много фрагментов облицовочного кирпича с голубой, белой и «марганцевой» поливой, поливной керамики и небольших фрагментов ганчевой штукатурки, покрытой красной и синей краской.

На гребне древней стены, на глубине 50—70 см, под ремонтной кладкой расчищена выстилка боевой площадки из жженого кирпича размером $30 \times 17 \times 3$ см. Под выстилкой

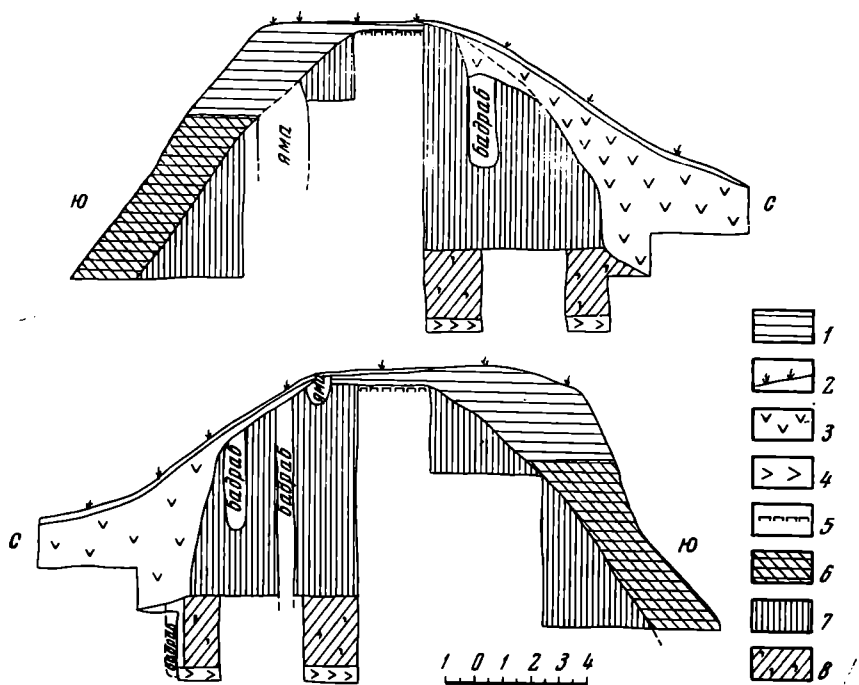

Рис. 3. Разрезы юго-восточной башни цитадели Афрасиаба

1 — порядовая пахсовая кладка, 2 — дерн, 3 — оплыв, 4 — материк, 5 — вымостка пола из жженого кирпича, 6 — плохо утрамбованная пахса, 7 — плотная пахса желтого цвета, 8 — плотный слой с включением угольков

Кашка-Дарьи в слоях V—VI вв. на усадьбе близ Кафир-Калы⁷, Пенджикенте⁸, Аул-Тепе⁹.

Третий разрез заложен в 30 м к востоку от юго-западного угла стены на участке наилучшей сохранности и прорезает стену на всю толщину

⁷ Г. В. Шишкина. Ук. соч., стр. 208—212.

⁸ И. Б. Бентович. Керамика Пенджикента. МИА, 37, 1953, стр. 139.

⁹ С. К. Кабанов. Археологические данные..., стр. 221—223.

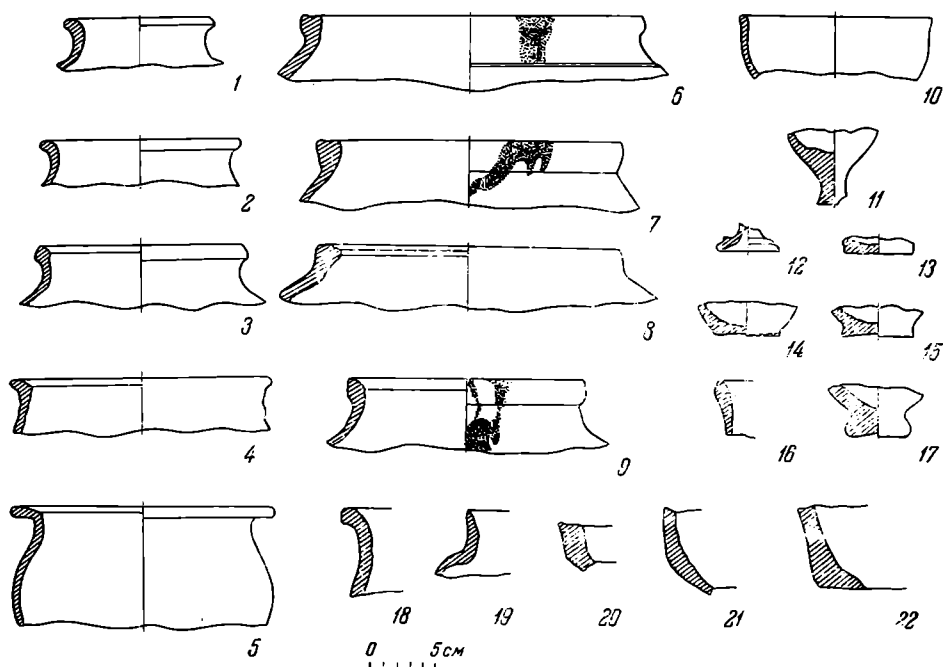

Рис. 4. Неглазурованная керамика из раскопок первой стены и стены цитадели Афрасиаба

(рис. 1, $P-15^6$). Стена и тут построена из однородной пахсы. В пахсовой кладке встречено несколько фрагментов толстостенных сосудов.

Раскопки на первой городской стене позволяют установить, что она полностью сложена из пахсы. Кое-где в местах ремонта наряду с пахсой встречается сырцовый продолговатый кирпич. Почти все находки, обнаруженные внутри стены, относятся к IV—VII вв. Стену пререзают бадрабы с поливной и неполивной керамикой IX—X вв. Этот факт свидетельствует о том, что стена функционировала до IX в.

На северной стене цитадели в западной стороне глубокой ложбины позднего происхождения был заложен раскоп (рис. 1, 12^a), который разрезал стену до основания и ниже до материкового лесса. При этом выяснилось, что стена возведена из такой же пахсы, как и первая городская стена. В ней найдено несколько фрагментов неполивной керамики (рис. 4, 1, 2, 4—12, 16—22), однородной с керамикой из первой стены. Высота стены 9 м, ширина у основания более 10 м.

Археологические работы показали, что первая городская стена и стена цитадели построены одновременно. Установлено также, что цитадель возникла на естественном холме, а не на искусственной насыпи. В связи с экономическим и политическим развитием город начинает расширяться к югу и обносится новой, второй крепостной стеной¹⁰.

К югу от средней части второй стены была возведена еще одна дополнительная (третья) стена. По рельефу видно, что она выстроена по краю возвышенности. Эта стена играла немаловажную роль в оборонительной системе городища. Ее местоположение давало возможность просматривать и простреливать окружающую местность вплоть до внешней стены. В восточном конце этой стены находились две башни, которые в настоящее время представляют собой оплывшие бугры. Сохранились также по два

¹⁰ М. Пачос. Из раскопок на Афрасиабе (I. Исследование второй городской стены Афрасиаба). Сб.: «Из истории культуры народов Узбекистана», Ташкент, 1965, стр. 19 сл.

прохода у южного и запасного фаса, где можно предполагать ворота. Около проходов не обнаружено никаких предвратных сооружений и не прослеживаются остатки рва, имеющегося у других стен.

Для изучения этой стены М. Н. Федоров заложил два раскопа: один у западного фаса и второй у восточного (рис. 1, $P-10^a$, $P-10^b$). По этим раскопкам можно судить, что стена на всем протяжении была выложена из пахсы, разница только в том, что если на западном фаса стена состоит из монолитной пахсы, то на восточном фаса пахса укладывалась слоями с прослойкой из крупнорубленого камыша. В раскопе у западного фаса этой стены М. Н. Федоров нашел несколько фрагментов неполивной керамики. В раскопе у восточного фаса он обнаружил поливную керамику с бирюзовой поливой, характерной для XII — начала XIII в. Здесь под стеной обнаружен мощный средневековый слой с включением поливной и неполивной керамики и с архитектурными остатками. При расчистке у западного фаса стены рядом с раскопом М. Н. Федорова под основанием стены была обнаружена гончарная печь, устье которой обращено к северу. В печи было большое количество поливной и неполивной керамики XI в.

Из этого следует, что третья стена, включая и западный ее участок, была построена позднее второй¹¹. Выяснилось также, что третья стена не была городской (как это считали раньше, предполагая, что она является продолжением доарабской второй стены), а окружала лишь небольшую территорию южнее второй городской стены и примыкала к внешнему ее рву, начинаясь у юго-западного и кончаясь у юго-восточного углов.

Четвертая, внешняя стена протяженностью около 5 км определяет размеры шахристана в последний период его жизни. Сохранность стены очень хорошая, по высоте и мощности она превосходит все внутренние стены. Стена построена по краю большой естественной ложбины, образующей ров вокруг городища. Современная ширина рва около 50 м, глубина 13—15 м. Высота обрыва вместе с уцелевшей частью стены, считая от современного уровня рва, достигает 23—28 м. Ширина стены в средней части 14—15 м. По высоте она почти одинакова со стеной Эрк-Калы античного Мерва, высота которой равняется 20—25 м¹². По всему периметру стены башни и бойницы не прослеживаются. Остается предположить, что оборона осуществлялась с гребня стены, окруженного, вероятно, парпетом, от которого ныне ничего не сохранилось.

При возведении стены строители использовали выгоды рельефа. Поэтому в плане она извилиста, что удлиняло линию обороны, но позволяло обстреливать противника с флангов.

Как сообщают арабские географы X в., стена в те времена имела четверо ворот¹³. Однако никаких сведений о времени ее сооружения они не приводят. Исследователи Афрасиаба неоднократно упоминали об этой стене в своих работах, а некоторые даже пытались установить ее возраст. Н. И. Веселовский сообщает лишь несколько слов о внешней стене, а именно, что она глинобитная и общая для всего города¹⁴. В. В. Бартольд, сопоставляя данные арабских географов, заключил, что стена шахристана была выстроена, по-видимому, еще в домусульманское время¹⁵. В. Л. Вяткин поначалу придерживался того же мнения¹⁶, но позже пришел к выводу,

¹¹ М. Н. Федоров. Клад медных хорезмских дирхемов, обнаруженный на Афрасиабе в 1959 г. Научные работы и сообщения, 4, ООИ, АН УзССР. Ташкент, 1961.

¹² З. И. Усманова. Эрк-Кала. Тр. ЮТАКЭ, XII, Ашхабад, 1963, стр. 26.

¹³ В. В. Бартольд. Из отчета о поездке в Самарканд летом 1904 года. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент, 1904, стр. 61.

¹⁴ Н. И. Веселовский. Сообщение о раскопках в Афрасиабе близ Самарканда. ЗРАО. II, нов. сер. СПб., 1887, стр. XCIV.

¹⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, СПб., 1900, стр. 87.

¹⁶ В. Л. Вяткин. Кандия Малая. Справочная книжка Самаркандской области. VIII, Самарканд, 1906, стр. 283.

что стена построена между VIII и IX вв.¹⁷ А. И. Тереножкин считал, что внешняя стена возникла до начала нашей эры¹⁸. М. Е. Массон утверждал, что внешняя стена существовала в IV в. до н. э., и отождествлял ее со стеной Мараканды, которая, кроме того, была окружена еще одной стеной, окружность которой по Курцию достигала 70 стадий (около 10,5 км)¹⁹.

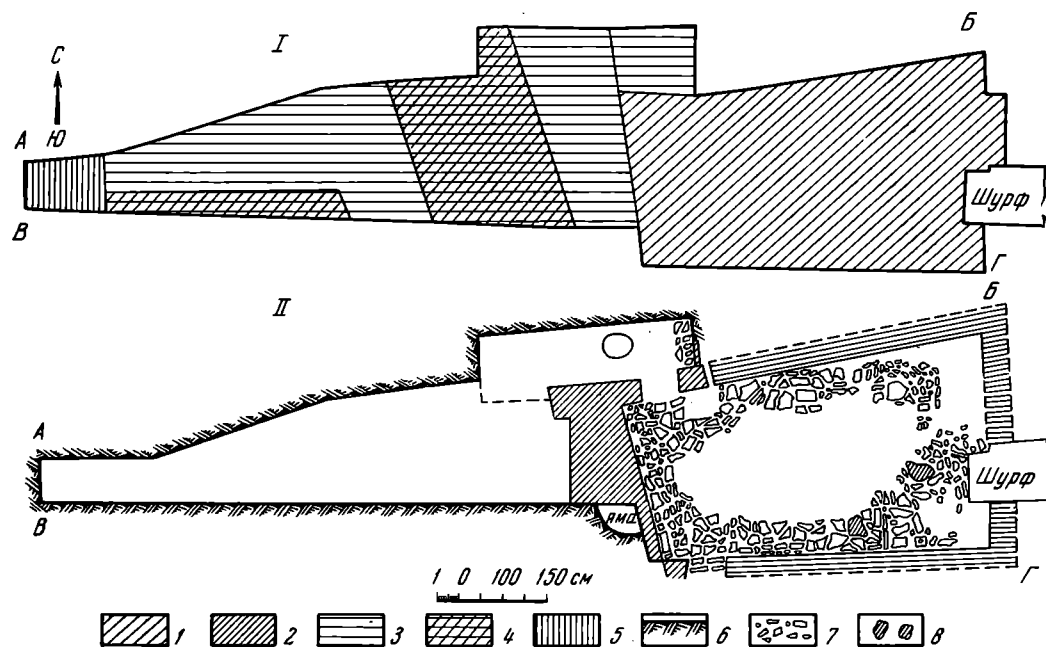

Рис. 5. План траншеи у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

I — план раскопа по верхнему уровню, II — план раскопа по нижнему уровню. 1 — оплывы городской стены, 2 — кладка из сырцового кирпича, 3 — пахса, 4 — забутовка, 5 — смывы, 6 — материк, 7 — вымостка из жженого кирпича, 8 — камни

Сравнение стены Мараканды со стеной средневекового Самарканда выявляет, однако, существенную разницу между ними. Мараканда по занимаемой площади вдвое превышала средневековый Самарканд. Исходя из этого, С. П. Толстов высказал мнение, что размеры стены, приведенные Курцией, преувеличены²⁰. О. Г. Большаков, не принимая во внимание сведения греко-римских историков, отмечал, что «самые ранние письменные сведения о размерах Самарканда восходят ко времени около 630 г., когда проезжавший мимо Самарканда китайский паломник Сюань Цзян писал, что «окружность города — 20 ли»²¹. В. А. Лавров, следуя, очевидно, мнению В. Л. Вяткина, относит возведение внешней стены домонгольского Самарканда к VIII в.²²

Различные мнения перечисленных авторов о времени, когда была возведена и когда функционировала внешняя городская стена Афрасиаба, базируются лишь на сведениях письменных источников, без привлечения археологических данных. Однако без них решить этот вопрос невозможно.

¹⁷ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927, стр. 12.

¹⁸ А. И. Тереножкин. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда. ВДИ, 4, 1947, стр. 127.

¹⁹ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 4, 1950, стр. 158—160.

²⁰ С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 81—82.

²¹ О. Г. Большаков. Заметки по исторической топографии долины Зеравша в IX—X вв. 61, 1956, стр. 18.

²² В. А. Лавров. Градостроительная культура Средней Азии. М.—Л., 1950, стр. 72.

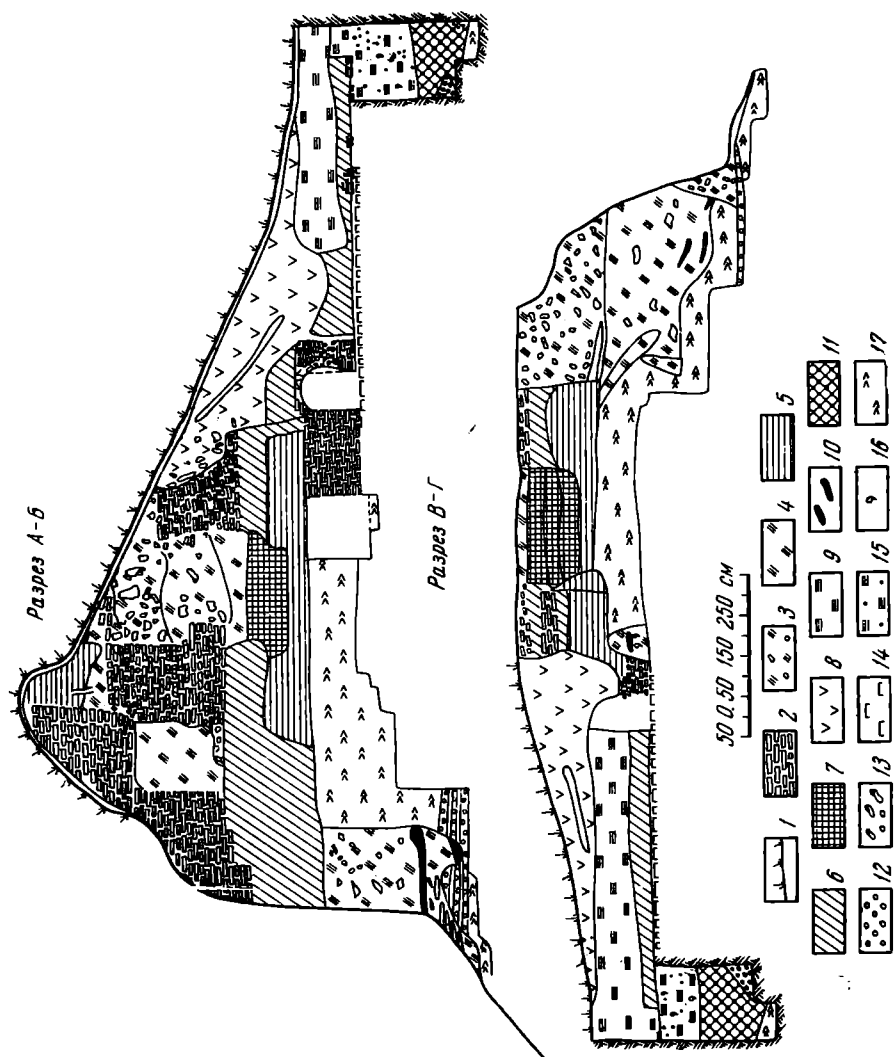

Рис. 6. Разрезы в траншее у западных ворот четвертой стены Афра-сиаба

- 1 — деря, 2 — сырцовый кирпич, 3 — забутовка кусками пахсы, сырцового кирпича и земли, 4 — рыхлая земля, 5 — плотная селая пахса без песка, 6 — плотная пахса желтого цвета с песком, 7 — плохо утрамбованная пахса, 8 — оплывы, 9 — плотный грунт, 10 — вола, 11 — чистая плотная земля, 12 — песок, 13 — мелкий песок со слупой, 14 — пол из жженых плит, 15 — плотный грунт с примесью угольков, 16 — черенки, 17 — материк

В шести местах внешняя стена Афрасиаба была прорезана траншеями до материкового лёсса (рис. 1, 8, 8^а, 8^б). Место для первого раскопа было выбрано на участке наилучшей сохранности, на западном фасе, в 150 м от северо-западного угла. Стена была разрезана траншеей до основания, ниже которого частично находились два помещения для гарнизона, выкопанные в материковом лёссе (рис. 5, 6). Раскопки показали, что на данном участке под городской стеной нет культурного слоя. Кладка этой стены состоит из

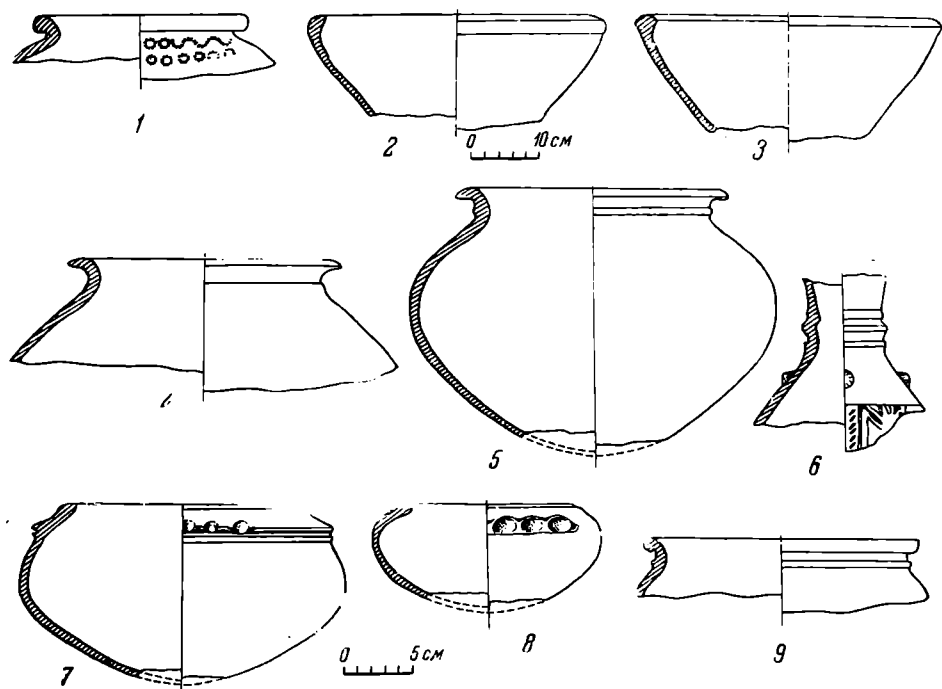

Рис. 7. Неглазурованная керамика из раскопок у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

пахсы, сырцового кирпича и забутовки. В нижней части на высоту 2—2,5 м стена сложена из пахсы. Выше пахсового основания стена на 2,5 м состоит из трех отдельных сырцовых кладок, между которыми находится забутовка глиной, песком и обломками сырцового кирпича. Размеры кирпича 45—50 × 22—30 × 8—10 см.

На высоте 5 м от основания стены установлены явные признаки капитального ремонта из сырцового кирпича 35 × 35 × 15 и 35 × 18 × 15 см. Ремонтная кладка положена непосредственно на первоначальную кладку стены, между ними не прослеживается никаких культурных остатков, что свидетельствовало бы о временном запустении стены.

В караульных помещениях найдено большое количество поливной и неполивной керамики и стекла. В комплексе неглазурованной керамики большое место занимают котлы, миски, кувшины и др. (рис. 7). Глазурованная керамика представлена блюдами, чашами, чирагами и др. (рис. 8). Поливные сосуды обильно украшены полихромной росписью, арабскими надписями, нередко различные сочетания узоров. Такая керамика из других раскопов Афрасиаба датируется многочисленными саманидскими монетами конца IX—X в.

Обследование стены показало, что основание ее по всему периметру выложено из пахсы; выше пахсы стена состоит из пересекающихся друг друга сырцовых кладок, забутовок и заливок. На западном фасе в верхней части стены прослеживается ремонтная кладка. На расстоянии около 100 м к востоку от мавзолеев Шах-и-Зинда стена при ремонте была построена заново. Стена на всех участках возведена на материковом лёссе и только в рай-

оне мавзолеев Шах-и-Зинда под стеной был обнаружен культурный слой толщиной 1—1,5 м, датирующийся приблизительно серединой I тысячелетия до н. э.

Внешняя стена не затронута поздними постройками, мусорными ямами и бадрабами, как то характерно для внутренних стен. Лишь на гребне стены в западной части известны мусульманские захоронения. Этот факт говорит о том, что стена во все время ее существования поддерживалась в

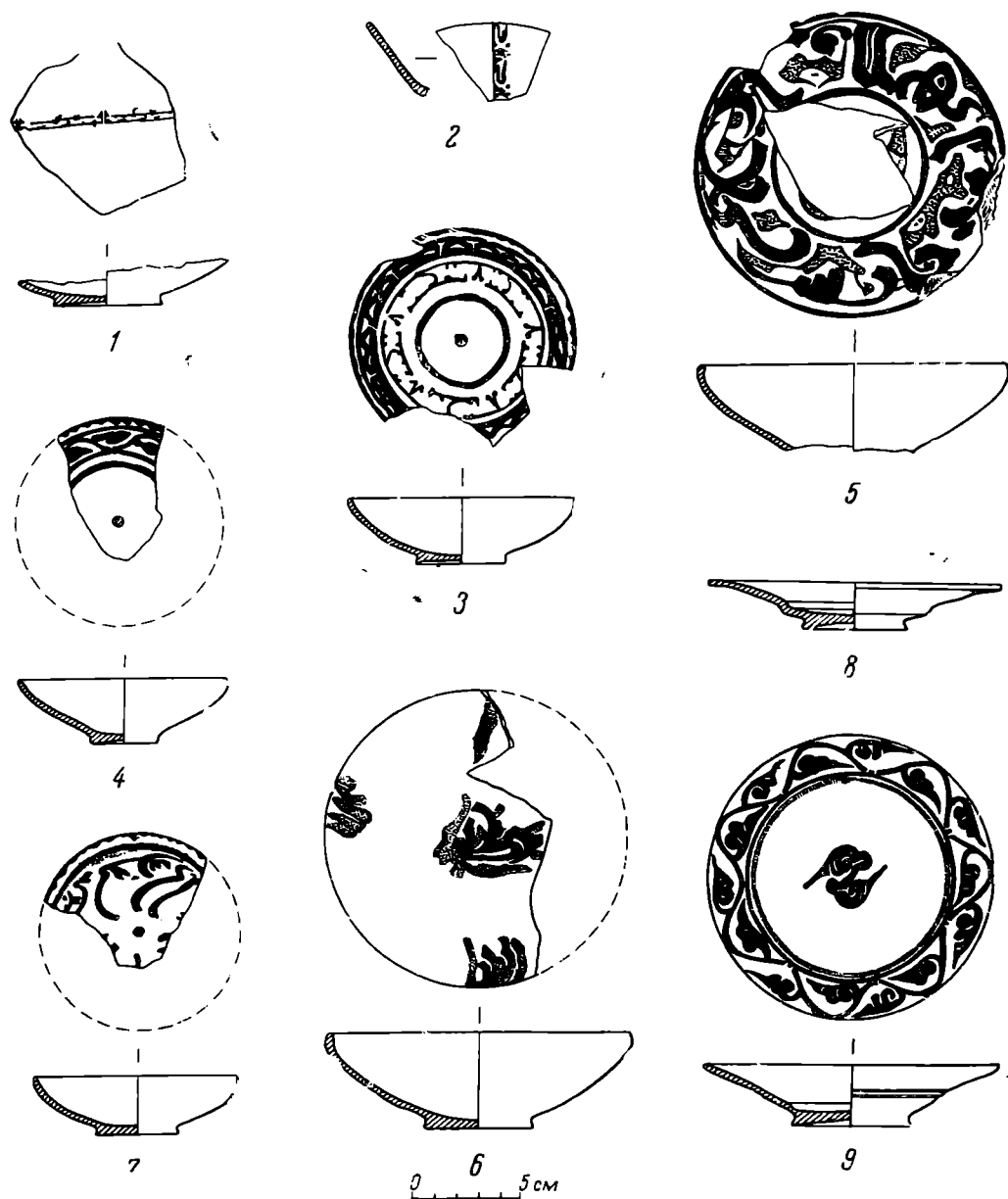

Рис. 8. Глазурованная керамика из раскопок у западных ворот четвертой стены Афрасиаба

сохранности и не утратила оборонительного значения до разгрома города монголами.

В кладке четвертой городской стены находки ничтожны. В оплывах стены по всему периметру и на прилегающей территории городища обнаружена поливная и неполивная керамика, датируемая не раньше IX в. Исключение составляют три случая, о которых будет сказано ниже. Изу-

чение и сравнительный анализ археологического материала, в первую очередь керамики, обнаруженной при раскопках в крепостных стенах, позволяют установить время постройки и функционирования стен. Самая древняя керамика обнаружена в основном при раскопках первой и второй городских стен и стены цитадели.

Первая и вторая стены города, как и стена цитадели, по конструктивному устройству одинаковы (построены из пахсы). Идентичен и керамический материал: он датируется IV—VII вв. Среди керамики IV—VII вв. встречается незначительное количество более ранней — фрагменты кубков на высоких ножках.

На основании находок возникновение первой и второй городских стен и стены цитадели можно отнести к IV—VII вв. Однако письменные источники позволяют уточнить возраст этих стен. Из китайских летописей V в. мы знаем, что в это время упоминается город Самарканд²³. Таким образом, находки и письменные источники позволяют датировать строительство первой стены IV в. В это время возникла и стена цитадели.

Китайский паломник Сюань Цзян, проехавший в 630 г. через Самарканд, говорит уже о довольно значительном городе. По его сведениям, окружность города составляла 20 ли²⁴. Все это позволяет говорить о том, что вторая городская стена выстроена в VI — начале VII в., т. е. в период, когда Самарканд становится политическим и административным центром области²⁵.

Многочисленные находки поливной и неполивной керамики в раскопах при изучении четвертой городской стены, результаты стратиграфических раскопок и шурфов, заложенных возле стены, а также сравнение ее строительного материала с материалами других памятников Средней Азии, и в первую очередь Афрасиаба, позволяют утверждать, что внешняя стена городища возникла в VIII — первой половине IX в.²⁶ Верхняя ремонтная кладка четвертой стены из крупного кирпича и внешняя кладка из такого же кирпича, которая прослеживается к востоку от Шах-и-Зинда, сделаны при хорезмшахе Мухаммаде, подтверждение чему можно видеть и в письменных источниках²⁷.

Исследование показало также, что первая и вторая городские стены и стена цитадели заброшены в первой половине IX в., после устройства внешней городской стены. Тогда началось разрушение их постройками, бадрабами и мусорными ямами. В период монгольского нашествия ремонт коснулся всех стен городища. Тогда же возведена и третья стена. Об этом свидетельствует керамический материал (включая керамику с бирюзовой поливой), обнаруженный в ядре стены и под ней. Третьей стеной была обнесена лишь небольшая территория внутри города.

Археологические работы на стенах Афрасиаба и прилегающей к ним территории позволили, помимо установления времени сооружения и бытования стен, выяснить их конструктивное устройство, их различия и получить материалы к истории фортификации в городах Средней Азии.

Городские стены — первая, вторая — и стена цитадели построены на одном историческом этапе и поэтому очень близки по конструктивному устройству. Они сложены целиком из пахсы. Для них характерна необыч-

²³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 17.

²⁴ В соответствии с принятой в исторической литературе величиной ли, 20 ли соответствуют примерно 7—10 км. Таким образом, вторая стена, согласно Сюань Цзяну, должна была равняться 7—10 км. Следует, однако, учесть, что Сюань Цзян преувеличивает в три раза длину стен шахристана и в других подобных случаях. Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов южного Казахстана. Тр. ИИАЭ, АН КазахССР, V, Алма-Ата, 1958, стр. 74.

²⁵ В. В. Бартольд. История культурной жизни..., стр. 17, 18.

²⁶ В трех пунктах при исследовании внешней стены и самого городища встречены отдельные фрагменты керамики, которую можно датировать рабовладельческим периодом. Но изучение их показало, что никакого отношения к датировке сооружения стены они не имеют.

²⁷ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, I, 2. М.—Л., 1952, стр. 206.

ная толщина, местами доходящая до 20 м у основания. Такая толщина стен делала их очень мощным оборонительным сооружением и практически неприступным для военной техники того времени.

При хорезмшахе Мухаммаде накануне монгольского нашествия был произведен большой ремонт всех стен, укреплены ворота второй стены, построена третья стена. При ремонте кроме пахсы употребляли продолговатые и квадратные кирпичи, последние по своим размерам повторяют кирпичи древних времен²⁸. В растворе, иногда и в кирпиче, встречается примесь камыша.

Пахсовые стены названного времени местами сложены как и прежние, но в основном применен особый прием — пахса клалась тонкими слоями толщиной 10—15 см²⁹. Кое-где между слоями пахсы прослеживаются прослойки из камыша. Часто в пахсе поздних стен встречаются бревна, выполняющие роль арматуры.

Плохая сохранность верхней части стен не позволяет судить об устройстве парапетов, башен и бойниц. Это объясняется тем, что после захвата города монголами в 1220 г. укрепления Самарканда по приказу Чингисхана были разрушены³⁰, а дальнейшее разрушение происходило под действием природных факторов. Башни, выступающие вперед, давали возможность флангового обстрела. Возвышение их над стенами, как пишет Ф. Энгельс, позволяло в случае, если противник смог забраться на крепостную стену, обстреливать его со всех сторон, не боясь окружения, т. е. превратить каждую башню в точку обороны³¹. Самым слабым местом обороны города являлись ворота, поэтому придавалось особое значение их укреплению. Система обороны афрасиабских ворот сохранилась у первой и второй стены. Восточные ворота первой стены защищены двумя башнями.

Южные ворота второй двухрядной стены находятся на месте, где между двумя линиями наблюдается самое большое расстояние. Здесь обе линии соединены двумя полукруглыми стенами, так что образуется кольцо, и если противнику удалось прорваться в город через ворота, то он оказался бы в окружении. Особенно сильно укреплены восточные ворота второй стены. Они с внешней стороны усилены двумя башнями, а изнутри построена стена с замаскированным проходом.

Наличие в системе укреплений двухрядных стен обеспечивало более прочную оборону города. Это было проверено во время арабского нашествия при взятии Самарканда³². Несмотря на многочисленную армию и хорошее вооружение³³, арабы не смогли быстро взять Самарканд; чтобы сломить сопротивление противника, им потребовалось пять месяцев³⁴, причем, как говорит легенда, им удалось это сделать путем обманов и хитростей³⁵.

Для обороны средневекового Самарканда большую роль играл ров внешней стены. В настоящее время ширина его достигает 45—50 м, глубина 15 м; несомненно, что глубина его была гораздо больше. Ширина и глуби-

²⁸ Подобное явление наблюдается и в Хорезме. С. П. Толстов. Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, П. М., 1958, стр. 26.

²⁹ К этому времени относится стена Бурачинского городища, состоящая из слоев пахсы толщиной 10—20 см. П. Н. Кожемяко. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959, стр. 129.

³⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I. М., 1963, стр. 480.

³¹ Ф. Энгельс. Фортификация. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14. М., 1959, стр. 327.

³² Вопреки укоренившемуся мнению, утверждающему, что внешней стеной ко времени арабского завоевания было последнее кольцо стен Афрасиаба (четвертая стена), раскопки показали, что город к этому времени был защищен по внешнему периметру не четвертой, а второй стеной.

³³ В. В. Бартольд. К истории арабских завоеваний в Средней Азии, II, 2. М., 1964, стр. 382.

³⁴ М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда, стр. 161.

³⁵ В. Л. Вяткин. Кандия Малая, стр. 243—245.

на рва делали крепость труднодоступной. Кроме того, как сообщают письменные источники, во время монгольского нашествия ров был заполнен водой³⁶.

Самарканд был хорошо укреплен в VI—VII вв. Первую линию обороны составляла двухрядная стена, вторую — внутренняя стена и стена цитадели. Этого требовало положение Самарканда как политического и экономического центра.

Самая сложная система обороны Самарканда была при хорезмшахе, когда имелись три линии обороны.

Раскопки на стенах и территории городища позволяют высказаться более конкретно и по вопросу о том, когда был основан Самарканд, и о процессе его развития.

Древнейший керамический материал Афрасиаба, обнаруженный последними исследователями, датируется В. А. Шишкиным приблизительно серединой I тысячелетия до н. э.³⁷ Он найден на трех небольших участках: 1) в южной части под внешней стеной городища, 2) в 200 м к северо-западу от мавзолеев Шах-и-Зинда, 3) в северной части городища. Все эти находки сделаны в смешанных слоях и не связаны с какими-либо постройками, т. е. не дают возможности высказаться о том, какого характера поселение здесь было: был ли это город, небольшая усадьба или какой-то другой тип поселения. Самые древние остатки жилых построек обнаружены лишь в северной части городища. С. К. Кабанов относит их к II—III вв.³⁸

Из сказанного выше следует, что в древний период на месте Афрасиаба могло находиться какое-то поселение. Фактический материал и его атрибуция позволяют нам дать схему развития города, начиная лишь с IV—V вв., т. е. с возникновения первой городской стены. В IV—V вв. город состоял из трех частей: 1) собственно город, обнесенный стеной, 2) цитадель со своими стенами и 3) предместье с ремесленным кварталом.

В VI — начале VII в. Афрасиаб был обнесен второй стеной, включившей в состав города и прежнее предместье. Однако жизнь города в этот период не ограничивалась пределами второй стены, а распространялась за ее пределы на юг по направлению магистрального канала, о чем свидетельствуют находки в южной части под самой городской стеной.

В VIII — начале IX в. воздвигнута внешняя (четвертая) стена. Тогда же приходят в запустение все внутренние стены и стена цитадели. Цитадель, по сообщению Ибн-Хаукаля в X в.³⁹, находилась в разрушенном состоянии (раскопки позволяют говорить о возобновлении жизни в цитадели в конце XI—XII в.). Очень интенсивное обживание города относится к IX—XII вв. В это время участки внутренних стен использовали для постройки домов. В X в. по мере роста населения граница города расширялась к югу за пределы внешней стены.

Исследователи древней истории Средней Азии — Н. И. Веселовский⁴⁰, В. В. Бартольд⁴¹, — опираясь на письменные источники, отождествляли Мараканду с Самаркандом, т. е. с городищем Афрасиаб. Это же повторили М. Е. Массон⁴² и А. И. Тереножкин⁴³, привлекая немногочисленные еще

³⁶ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, стр. 206.

³⁷ В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция 1961 г. ИМКУ, 4, Ташкент, 1963, стр. 13, 14.

³⁸ С. К. Кабанов. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. Рукопись хранится в секторе археологии ИИА, АН УзССР, стр. 75.

³⁹ Е. К. Бетгер. Извлечение из книги «Путь и страны» Абу-л-Касима Ибн-Хаукаля. Сб.: «Археология Средней Азии», IV, Ташкент, 1957, стр. 14.

⁴⁰ Туркестанские ведомости, 1892, № 42, стр. 208.

⁴¹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 8; его же. История культурной жизни..., стр. 2.

⁴² М. Е. Массон. Памятка об экскурсии по Самарканду. Самарканд — Ташкент, 1929, стр. 4.

⁴³ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 156.

археологические данные, которых было совершенно недостаточно для утверждения такого рода. Однако эти утверждения прочно вошли в советскую литературу⁴⁴. Тщательное же изучение письменных источников в совокупности с новыми археологическими данными позволяют совсем по-иному представить древнейший период в истории Самарканда.

Самое раннее описание Мараканды дано Курцием и Аррианом. В их трудах повествуется о завоевательных походах Александра Македонского в Среднюю Азию в IV в. до н. э. Несомненно, произведения Курция и Арриана имеют колоссальную ценность для исторической науки, однако довериться полностью им нельзя, ибо время описания исторических походов Александра Македонского отделяется от самих событий огромным промежутком в 300—400 лет. По словам Курция (середина I в.), Мараканда была окружена стеной в 70 стадий⁴⁵. Внутренняя цитадель обведена другой стеной. При сравнении протяженности стены Мараканды с внешней стеной Самарканда мы видим большую разницу; Мараканда занимала пространство в два с половиной раза большее, чем Самарканд.

Арриан (первая половина II в.), который считается более авторитетным, потому что он пользовался записками современников Александра — полководцев Аристобула и Птолемея лага⁴⁶, сообщает о Мараканде следующее: «Александр, пополнив конницу местными лошадьми (так как много его лошадей погибло при переходе через Кавказ и в походе к Оксу и от Окса), направился к Мараканде — столице страны Согдов. Отсюда пошел дальше к реке Танаису»⁴⁷. Арриан, описывая битву греко-македонцев с согдийцами в Мараканде, упоминает об укрепленном городе (крепости), но нигде не указывает на его местоположение⁴⁸.

Птоломей — знаменитый астроном и географ II в. — помещает Мараканду не в Согдиане, а в Бактрии⁴⁹. Из этого видно, что сведения древних авторов о локализации Мараканды противоречивы; кроме того, никто из древних авторов не указывает местоположения Мараканды.

В. В. Григорьев, исходя из сообщения Арриана о битве македонцев с согдийцами, во главе которых был Спитамен, на острове р. Политимет, принимает Политимет за Зеравшан и поскольку Мараканда была близка от Политимета, как и Самарканд от Зеравшана, считает возможным отождествить Мараканду с Самаркандом⁵⁰.

В своем произведении Арриан сравнивает р. Политимет с греческой р. Пенеем и сообщает, что Политимет впадает в пески и по своей протяженности гораздо больше Пеней⁵¹. На самом деле длина греческой р. Пеней равна 217 км при ширине 20—25 м, а длина Зеравшана, которую ряд авторов отождествляет с р. Политимет, достигает 738 км. Таким образом, Зеравшан почти в 3,5 раза длиннее Пеней и примерно в столько же раз шире⁵². Но на территории древнего Согда протекал не только Зеравшан, но и г. Кашка-Дарья, протяженность которой 332 км, т. е. опять-таки много длиннее Пеней, и хотя она действительно теряется в песках, утверждать, что Кашка-Дарья не больше Пеней — нельзя⁵³.

⁴⁴ Е. А. Мончадская. О «царском городе» или «второй столице» Согдианы. ВДИ, 1952, 2, стр. 116; А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 282 и др.

⁴⁵ Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963, стр. 237.

⁴⁶ К. Тревер. Александр Македонский в Согде. ВДИ, 5, 1947, стр. 113.

⁴⁷ Arrian's anabasis. III, 30, 6.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 15.

⁵⁰ В. В. Григорьев. Походы Александра Великого в Западный Туркестан. ЖМНП, 9. СПб., 1891, стр. 64, 65.

⁵¹ Arrian's anabasis, IV, 6, 7.

⁵² Автор данной статьи хорошо знаком с р. Пеней и р. Зеравшан и может сказать, что Пеней перед Зеравшаном выглядит как один из главных протоков последнего.

⁵³ В. М. Массон. К локализации Согда. Сб.: «Археология Средней Азии», нов. сер., XI, 3. Гуманит. науки, 3. Ташкент, 1950, стр. 175, 176.

Однако, по результатам последних археологических исследований Я. Г. Гулямова, Кашка-Дарья впадала в Зеравшан до XIII в.⁵⁴ Если отождествление Политимета с Зеравшаном окажется правильным, то следует отметить, что в плодородной долине Зеравшана было много городов, и в какой ее части расположена Мараканда — неизвестно.

В долине Зеравшана издавна встречаются греко-бактрийские монеты. Однако на Афрасиабе, как писал В. Л. Вяткин, несмотря на многолетние археологические исследования, не было найдено ни одной монеты раньше IV—V вв. Здесь следует отметить, что за время последних исследований в течение восьми лет, по масштабам намного превосходящим все предыдущие работы, на территории Афрасиаба опять-таки не было найдено ни одной монеты греко-бактрийского и кушанского чекана, хотя монеты согдийские VI—VIII вв. и средневековые (IX — начала XIII вв.) были найдены сотнями. Кроме того, археологические работы на всех участках Афрасиаба, где работали и работают археологи, показали, что глубина культурных наслоений колеблется в пределах от 3 до 6 м. И лишь во впадине, где раскопки проводил В. Д. Жуков⁵⁵, культурный слой достигает более 11 м и тот характеризуется остатками материальной культуры XI — начала XIII в. Эти факты отрицают утверждения об интенсивной жизни на городище Афрасиаб с античного времени.

Все сказанное выше показывает, что отождествление Мараканды с домонгольским Самаркандом, т. е. Афрасиабом, гораздо сложнее, чем это казалось многим исследователям. Подобное несоответствие фактов, полученных во время археологических раскопок, с данными, взятыми из письменных источников, не единичны.

Локализация античной Мараканды на территории Афрасиаба в результате исследования стен и самого городища пока не доказана⁵⁶, хотя у нас нет основания сомневаться в обживании территории Афрасиаба с середины I тысячелетия до н. э. Отождествление же Мараканды с каким-либо городищем поблизости или же с современным Самаркандом ждет дальнейших исследований. На данном этапе археологического изучения автор не претендует на исчерпывающее решение этого вопроса.

Сообщения письменных источников о Самарканде, начиная с V в. — вплоть до разрушения города монголами в 1220 г., полностью подтверждаются результатами археологических работ. Дальнейшие раскопки на городище Афрасиаб и в его окрестностях расширят и обогатят наши представления по истории древнего Самарканда.

---

⁵⁴ Я. Г. Гулямов. Исследование исторической гидрографии низовьев Кашка-Дарьи и Зеравшана. ИМКУ, 6, Ташкент, 1965, стр. 22.

⁵⁵ В. Д. Жуков. Некоторые материалы к топографии юго-западной части Афрасиаба (Самарканд). — «Общественные науки в Узбекистане», 4, Ташкент, 1961, стр. 54—57.

⁵⁶ Вопрос об отождествлении Мараканды с Самаркандом ставился под сомнение и раньше: В. Л. Вяткин. Афрасиаб..., стр. 4; Б. Я. Ставиский. Некоторые вопросы истории и топографии древнего Согда, ВЛУ, 3, Л., 1948, стр. 123—125.

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

4

1961

В число произведений Фараби, переведенных на русский язык, входит и его трактат «Оюн ал масоэл» («Источники вопросов»). Этот трактат, состоящий из 22 пунктов, дает нам представление о мировоззрении Фараби. В трактате затронуты вопросы о материи и форме, о движении, о времени и пространстве, о свойствах логического познания. Здесь же содержится знаменитый тезис о связи души и тела: «Существование души вне тела невозможно, как сказал Платон; переход души из одного тела в другое, как говорят сторонники (учения) о переселении душ, невозможно»¹⁴.

На русский и узбекский языки переведен трактат «Ал масоэл ал фалсафийтон ал ажу вобатон анха» (Философские вопросы и ответы на них), который состоит из 38

вопросов, заданных Фараби, и его ответов на эти вопросы. Здесь затрагиваются важные проблемы физики, математики, космогонии, философии, психологии, логики, грамматики, этики. Ответы Фараби отличаются ясностью мысли, последовательностью изложения и убедительностью и ярко свидетельствуют об огромной эрудиции этого выдающегося ученого.

Имя Фараби пользуется большим уважением у советских людей и всего прогрессивного человечества. Его замечательное научное наследие, явившееся крупным вкладом в сокровищницу мировой культуры, требует для своего изучения совместной кропотливой работы большого коллектива ученых.

М. М. Хайруллаев

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ТОПОГРАФИИ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ АФРАСИАБА (САМАРКАНД)

На городище Афрасиаб внимание исследователя привлекают резко выделяющиеся своей пониженной гладкой поверхностью большие площадки-впадины, окруженные возвышенностями. Одна из них, расположенная в юго-западной части городища, была частично обследована участниками археологической экспедиции Института истории и археологии АН УзССР под общим руководством В. А. Шишкина.

Площадка (размерами примерно 100×100 м) имеет округлую форму. В западной части она изрыта и завалена мусором. С восточной, южной и западной сторон ее окружают довольно высокие крутые всхолмления, занятые могильными насыпями и ямами, образовавшимися от провалов земли в погребальные камеры. С северной стороны находится отлогий склон. На возвышенных участках, примыкающих к этой впадине, почти повсюду отмечаются остатки средневекового гончарного производства: именно здесь находилась юго-западная часть большого позднего квартала гончаров, отмеченного В. Л. Вяткиным.

В восточной части впадины была вскрыта (местами на глубину до 5—7 м) площадь размером 164 м². Кроме того, в западной части заложен 11-метровый шурф. Сверх программы обследована северо-западная часть промоины в восточном склоне впадины и расчищены обнаруженные в ней частично уцелевшие накопления бадрабов и отвалы гончарного производства.

В северо-восточном, несколько возвышенном секторе культурные наслоения прослежены до глубины около 7 м. Судя по характеру их залегания и обнаруженным здесь находкам, толщина этих отложений, смытых с прилегающих склонов, накапливалась на протяжении почти тысячи лет.

Среди многочисленных материалов, относящихся к средневековью (главным обра-

зом XI—начало XIII в.), обнаружен (на глубине 3,25 м) только один обломок ножки глиняного бокалообразного сосуда, покрытого темным ангобом. Другой фрагмент нижней части глиняного бокала с красным ангобом был поднят в промоине западной большой впадины (к северу от обследованного участка). Этим ограничиваются находки, которые можно отнести к дофеодалному периоду.

В западной части впадины толща культурных наслоений, относящихся к средним векам, превышает 11 м; нижние наслоения (примерно с 6—7 м глубины) производят впечатление свалки мусора в болотистую низину.

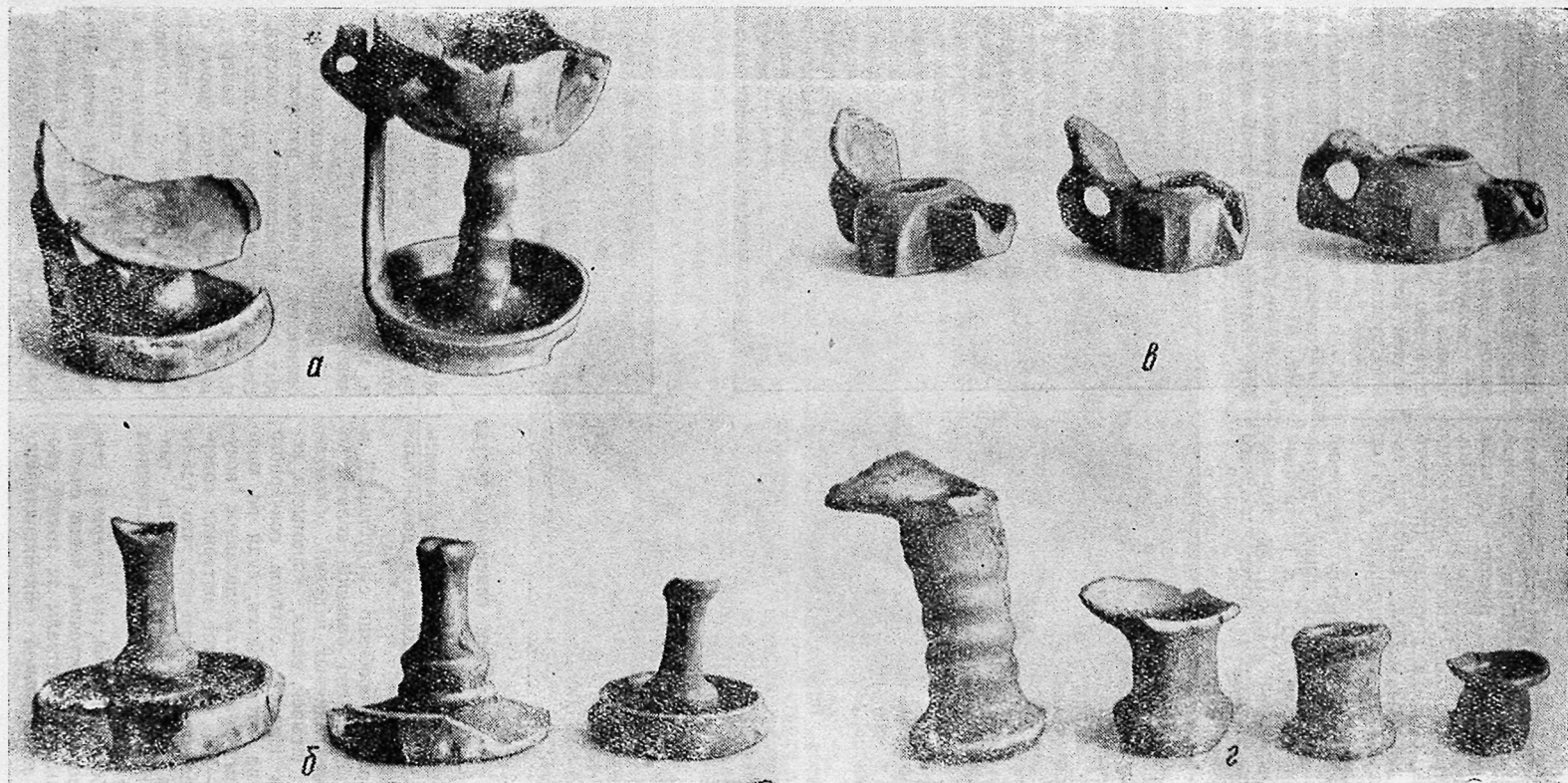
Под 7-метровой толщей смылов в одном из углублений северо-восточного сектора залегает чистая желтая глина.

Никаких остатков сооружений на вскрытых участках не зарегистрировано.

На глубине около 2,5—3 м в разрезе улавливается горизонт, отмечаемый расположенными примерно на одном уровне обломками обожженного кирпича и булыжником. На глубине 4—5 м на небольшом участке четко прослеживается донное отложение (толщиной около 0,8 м) бывшего водоема, состоящее из мелких, по-видимому принесенных водой, частиц. В нем находится большое количество крупных черепков керамической посуды, светильников с голубой поливой, осколков стеклянных изделий и проч. Рядом с большими плитами чупанатинского сланца, служившими, вероятно, ступенями для спуска к водоему, находились хрупкие предметы из стекла и кашинного черепка, сохранившиеся лишь благодаря тому, что они попали в воду.

Водоем получал воду из восточного (главного) ответвления канала. Джуи-ариз, проведенного далее через дамбу для снабжения водой цитадели. Рядом с арыком проходила и одна из магистраль-

¹⁴ Ал-маджму. . . , стр. 65—75.

Различные виды святильников.

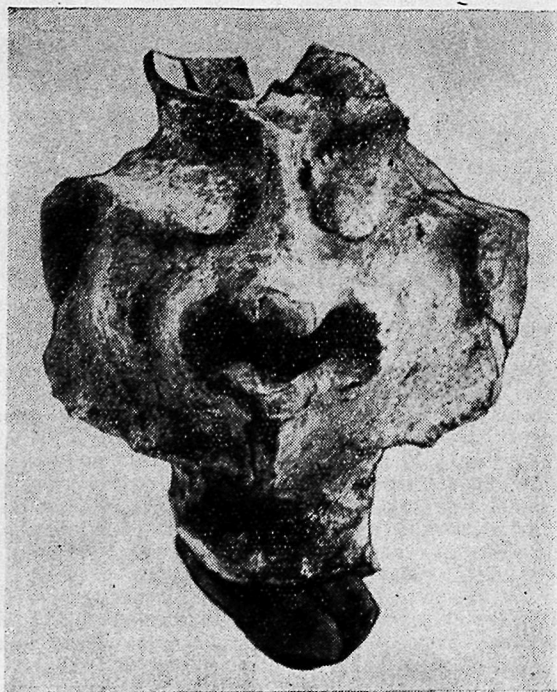
ных улиц города, о которой упоминает В. Л. Вяткин. Образование восточной промоины связывается именно с этим небольшим отводом из главного арыка. В обрывистой южной стенке промоины обнаружены обломки крупного глиняного кубура, в который и был, вероятно, заключен отвод для предохранения его от размывов.

В верхней части вскрытых наслоений отмечается слоистость, во многих местах нарушаемая ямами. До 3 м в глубину вместе с керамикой XI—XII вв. изредка встречаются и изделия более позднего

из отходов гончарного производства. Просмотр этих плотно сцементированных отвалов показал, что в процессе производства получалось много брака и что гончарные мастера специализировались на совершенно определенных типах изделий, причем некоторые из них изготавливались из хрупкого беловатого кашинного черепка.

Судя по отвалам, предметами массового изготовления были следующие виды изделий.

Светильники — на ножке с голубой, зеленой и бирюзовой поливой, а так-

Слив глиняного сосуда в виде головы петуха.

времени, а глубже регистрировались лишь находки, относящиеся к домонгольскому времени.

При вскрытии, особенно с глубины 3 м и ниже, обнаружено большое количество бракованных глиняных изделий, обломков гончарных штырей, сепая, коромысел, керамических шлаков — отходов гончарного производства, относящихся, судя по многочисленным фрагментам поливной посуды, к XI—XII вв. Этот материал совершенно определенно указывал, что где-то поблизости должны быть и остатки гончарных печей, жилых и производственных помещений гончаров.

При небольшой зачистке северной стороны промоины в восточной части склона впадины выявлены отвалы толщиной около 4 м, в значительной степени состоящие

же без ножек, с длинным носиком; с наружной стороны их резервуар разделен на грани; верхнее отверстие его суживается и заканчивается чуть выступающим венчиком.

Зарегистрировано несколько форм подсвечников. Наиболее распространенный из них вид представляет толстый полый ствол с утяжеленным круглым основанием и широко расходящейся наверху розеткой. Интересно отметить форму с четким делением на три части: подставку (в виде круглой площадки с устойчивым дном и невысокими чуть изогнутыми бортиками), фигурной формы ствол и небольшой патрон для вставления свечи. По-видимому, именно эта форма и имеет, по замечанию В. Л. Вяткина, прямую аналогию

со светильниками на подставке. Изредка встречались и низкие подсвечники с зеленой поливой.

Крышки. Зарегистрировано большое количество плоских глиняных крышек (разного диаметра) с ручкой посередине. Лицевая сторона их скупо украшена орнаментом, прочерченным по сырой глине в виде концентрических кругов, насечек и проч. Часть крышек имела отогнутые вверх края. Реже встречаются крышки, лицевая сторона которых покрыта голубой поливой. В особую группу выделяются колпакообразные, покрытые сплошным штампованным орнаментом крышки, имитирующие металлические.

Котлы небольшого размера, неглубокие с широкими бортиками. Часто отмечались котлы с двухсторонней поливой (зеленого, голубого, желтого и белого цветов), орнаментированные широкими темными линиями, с ручками в форме ушка, поднимающимися вверх от бортика. Некоторые венчики глиняной посуды имели специальные пазы для крышек.

Поливная глиняная посуда. Зарегистрировано большое количество пиал с дисковидными донцами и круто поднимающимися стенками с характерным перегибом у основания, чуть выше дна. Бирюзовой поливой покрывалась обычно вся пиала, за исключением нижней наружной части. Несколько реже встречаются миски среднего и крупного размеров, на кольцевой широкой ножке с поливой разнообразных цветов и оттенков, украшенные с внутренней стороны геометрическим орнаментом; обычно с наружной стороны у них покрывался поливой только верхний край стенок. Обнаружены и фрагменты посуды этого вида из тонкого черепка, покрытые с обеих сторон толстым слоем хорошей глазури. Имеются также блюда на кольцевой ножке с голубой и коричневой поливой (диаметр венчика 33 см,

высота — 5,9 см; диаметр венчика 25 см, высота — 4,4 см).

Корчаги. Широкое распространение имели корчаги с прямым дном, низкими расширяющимися под небольшим углом стенками и выступающими бортиками (обычно орнаментированными бороздками). Дно некоторых корчаг с внутренней стороны было покрыто зеленой поливой.

Повсюду вместе с керамикой регистрировались и осколки многочисленных форм стеклянной посуды того же времени.

Из единичных находок следует отметить оформленный в виде головы петуха слив от верхней части глиняного сосуда и довольно хорошо сохранившийся кусок тюбейки с вертикальными швами, обнаруженный в смещенных наслоениях XI—XII вв.

Кроме того, среди полученного материала имеются бусы, подвески, металлические изделия и другие предметы, характерные для карахандского периода.

В отвалах гончарного производства встречались и монеты, в том числе два саманидских фельса X в. и дирхем мусейяби. Судя по керамическому материалу, эти монеты обращались в XI—XII вв., хотя следует учесть, что отвалы находились на склоне, где происходило их перемещение и смешивание, а потому датировка их может быть произведена весьма относительно.

По краю восточной возвышенности с северной стороны отвода в обрывистом обнажении промоины сохранились остатки тесных дворов гончаров. Часть наслоений смыта, а уцелевшие от размывов участки сплошь заняты могильными холмиками и недоступны для вскрытия. Некоторые холмики закреплены обломками древней керамики, обнаруженной при рытье могил. На территории кладбища отмечаются многочисленные отходы гончарного производства XI—XII вв.

В. Д. Жуков.